

Научная статья

УДК 347

**Сингапурский договор о законах по товарным знакам как один из ключевых международных актов в сфере промышленной собственности**

**Наталья Юрьевна Сергеева**

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского и предпринимательского права

NSkafedra@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

**Аннотация.** Статья посвящена одному из ключевых международных актов в сфере промышленной собственности – Сингапурскому договору о законах по товарным знакам. Автор рассматривает особенности данного международного акта и его влияние на действующее законодательство об интеллектуальных правах. На основании конкретных практических примеров автор выявляет проблему недостаточного подзаконного регулирования отдельных положений, внедренных в российское право благодаря Сингапурскому договору, приходит к выводам о необходимости внесения в них дополнений и уточнений.

**Ключевые слова:** международный договор, Сингапурский договор, промышленная собственность, правовая охрана, товарный знак, позиционный знак.

**Финансирование:** Статья подготовлена в рамках НИР «Альтернативная система международной регистрации товарных знаков» (7-ГЗ-2023).

**Для цитирования:** Сергеева Н.Ю. Сингапурский договор о законах по товарным знакам как один из ключевых международных актов в сфере промышленной собственности // IP: теория и практика. 2024. № 3 (7).

Original article

**Natalia Yu. Sergeeva**

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Associate Professor of the Department of Civil and Business Law

PhD in Law

NSkafedra@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

**Abstract.** The article is devoted to one of the key international acts in the field of industrial property – the Singapore Treaty on the Law of Trademarks. The author examines the features of this international act and its impact on the current legislation on intellectual property rights. Based on specific practical examples, the author identifies the problem of insufficient by-law regulation of certain provisions introduced into Russian law thanks to the Singapore Treaty, and comes to conclusions about the need to make additions and clarifications to them.

**Key words:** international treaty, Singapore Treaty, industrial property, legal protection, trademark, position mark.

**Funding:** The article was prepared as part of the research work “Alternative system for international registration of trademarks” (7-GZ-2023).

**For citation:** Sergeeva N.Yu. The Singapore Treaty on the Law of Trademarks as one of the key international instruments in the field of industrial property // IP: theory and practice. 2024. № 3 (7).

## Введение

По смыслу Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (далее – Закон, Закон о международных договорах) международные договоры образуют правовую основу межгосударственных отношений, содействуют поддержанию всеобщего мира и безопасности, развитию международного сотрудничества в соответствии с целями и принципами Устава ООН. Международным договорам принадлежит важная роль в защите основных прав и свобод человека, в обеспечении законных интересов государства.

Правовая дефиниция международного договора содержится в ст. 2 Закона о международных договорах, из которой следует, что «международный договор Российской Федерации» означает международное соглашение, заключенное Российской Федерацией (далее – РФ) с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры (далее – иное образование), в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а

также независимо от его конкретного наименования<sup>1</sup>. Разъясняя указанную дефиницию Верховный Суд РФ указал, что к ним могут быть отнесены конвенция, пакт, соглашение<sup>2</sup> и т.п.

Сегодня РФ является участницей многочисленных международных договоров, в том числе, в сфере промышленной собственности.

Применительно к теме настоящей статьи следует выделить важнейшие международные акты, посвященные товарным знакам, среди которых Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20.03.1883; Мадридское соглашение о международной регистрации знаков от 14.04.1891 и Протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков от 28.06.1989; Ниццкое соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков от 15.06.1957; Найробский договор об охране олимпийского символа от 26.09.1981; Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15.04.1994; Договор о законах по товарным знакам от 27.10.1994 (ТЛТ) и др. Все перечисленные международные договоры, безусловно, оказали влияние на формирование действующего законодательства о средствах индивидуализации и являются составной частью правовой системы РФ (п. 4 ст. 15 Конституции РФ, п. 1 ст. 7 ГК РФ).

Столь динамичное международное участие России в рассматриваемой сфере не случайно и связано с тем, что исключительные права на товарные знаки не имеют экстерриториального характера: они действуют в пределах территории только того государства, где возникли. Поэтому для того, чтобы признать исключительные права на данные средства индивидуализации в других государствах, необходимы международные соглашения.

Сказанное позволяет сделать промежуточный вывод о важнейшей роли международных договоров в сфере промышленной собственности и средств индивидуализации. Являясь частью правовой системы РФ, они устанавливают минимальный объем правовой охраны, позволяя преодолеть территориальные барьеры и обеспечивая тем самым правовую охрану интеллектуальной собственности на территориях стран-участниц. Указанные акты образуют правовую основу межгосударственных отношений и содействуют развитию международного сотрудничества.

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.06.2024).

<sup>2</sup> Постановление ВС РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС «Гарант» (дата обращения: 02.06.2024).

## Методы

В процессе исследования были применены методы логического и системного анализа, а также сравнительный метод с целью выявления особенностей Сингапурского договора о товарных знаках и его влияния на действующее законодательство об интеллектуальных правах.

## Основное исследование

Во исполнение распоряжения Правительства Российской Федерации от 24.03.2007 № 352-р в г. Женеве, Швейцария, в штаб-квартире Всемирной организации интеллектуальной собственности 26 марта 2007 г. руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам Б.П. Симонов подписал от имени РФ Сингапурский договор о законах по товарным знакам (англ. – Singapore Treaty on the Law of Trademarks), принятый Дипломатической конференцией 27 марта 2006 г. в г. Сингапуре (далее – Договор, Сингапурский договор)<sup>3</sup>. 28 марта 2006 г. он был подписан 41 государством.

Кроме указанного Договора, по итогам работы данной Дипломатической конференции были приняты Инструкция<sup>4</sup>, являющаяся его неотъемлемой частью (далее – Инструкция) и Резолюция<sup>5</sup>, дополняющая перечисленные документы (далее – Резолюция).

Подписание Договора стало существенным шагом в развитии международного сотрудничества в области охраны товарных знаков. Указанный международный нормативный акт был ратифицирован Федеральным законом от 23.05.2009 № 98-ФЗ «О ратификации Сингапурского договора о законах по товарным знакам» и вступил в силу для РФ с 18 декабря 2009 г. Заключительный акт Дипломатической конференции подписали 120 государств, включая делегацию Российской Федерации<sup>6</sup>. В настоящее время в Договоре участвуют 54 страны. Участие в нем РФ направлено на обеспечение равных прав как для российских заявителей, регистрирующих товарные знаки за рубежом, так и для иностранных заявителей, регистрирующих товарные знаки в Российской Федерации.

---

<sup>3</sup> Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 146995-5 «О ратификации Сингапурского договора о законах по товарным знакам» (не действует) // СПС «Гарант» (дата обращения: 02.06.2024).

<sup>4</sup> Инструкция к Сингапурскому договору о законах по товарным знакам (вступила в силу 1 ноября 2011 г.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/290024> (дата обращения: 02.05.2024).

<sup>5</sup> Резолюция Дипломатической конференции, дополнительная к Сингапурскому договору о законах по товарным знакам. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12670> (дата обращения: 07.06.2024).

<sup>6</sup> URL: [https://rospatent.gov.ru/ru/docs/interdocs/inf\\_sing](https://rospatent.gov.ru/ru/docs/interdocs/inf_sing) (дата обращения: 31.07.2024).

Данный международный акт состоит из 32 статей, 10 правил и 12 типовых международных бланков.

На официальном сайте Роспатента отмечается, что: «Сингапурский договор позволяет нивелировать недостатки существующих разнообразных национальных и региональных процедур регистрации товарных знаков, гармонизируя их и упрощая процедурные нормы. При этом он затрагивает только вопросы формальных требований и взаимных процессуальных прав и обязанностей государства и заявителя»<sup>7</sup> [1]. Договор применяется к знакам, состоящим из обозначений, которые в соответствии с законодательством страны-участника могут быть зарегистрированы в качестве товарного знака или знака услуг. Договор не применяется к коллективным, сертификационным и гарантийным знакам. В основном этот договор посвящен унификации правил оформления заявок на товарные знаки и знаки услуг, правил внесения изменений в регистрацию товарных знаков, включая продление сроков действия регистрации, а также, что существенно для торгового оборота, правил регистрации лицензионных договоров на использование товарных знаков. Ранее действовавшая проверочная процедура регистрации (имен, адресов, владельцев), включая регистрацию лицензионных договоров, заменена уведомительной системой. От правообладателя не может быть потребовано предоставление для регистрации собственно договора, а также указание финансовых условий регистрируемого договора [2].

Рассмотрим подробнее **ключевые положения** Сингапурского договора, демонстрирующие сказанное и повлекшие за собой внесение изменений в действующее гражданское законодательство.

Прежде всего, отметим п. 3 (с) правила 9 Инструкции к Договору, которым установлен **шестимесячный срок** для восстановления пропущенного срока в ходе процедур в национальном ведомстве по регистрации товарных знаков, в то время как в российском законодательстве такой срок ранее составлял всего **два месяца**. Данное расхождение впоследствии было скорректировано и в настоящее время п. 1 ст. 1501 ГК РФ<sup>8</sup> содержит следующие положения: «Срок, предусмотренный пунктом 4 статьи 1497<sup>9</sup> и пунктом 1 статьи 1500<sup>10</sup> настоящего Кодекса и пропущенный заявителем, может быть восстановлен федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности по ходатайству заявителя, поданному в течение шести месяцев со дня истечения этого срока, при

---

<sup>7</sup> URL: [https://rospatent.gov.ru/ru/docs/interdocs/inf\\_sing](https://rospatent.gov.ru/ru/docs/interdocs/inf_sing) (дата обращения: 31.07.2024).

<sup>8</sup> Восстановление пропущенных сроков, связанных с проведением экспертизы заявки на товарный знак.

<sup>9</sup> Три месяца.

<sup>10</sup> Четыре месяца.

условии, что заявитель укажет причины, по которым этот срок не был соблюден».

Еще одним поводом для внесения изменений в гражданское законодательство стала ст. 17 (4) Договора, которая указывает на то, что для регистрации лицензии на использование товарного знака (знака обслуживания) не может быть потребовано представление лицензионного договора или его перевода, а также указание финансовых условий лицензионного договора. Однако, согласно ст. 17 (5) Договора, может быть потребовано представление доказательств, если имеются обоснованные сомнения в отношении любого указания, содержащегося в заявлении или в любом документе, указанном в Инструкции к Сингапурскому договору о законах по товарным знакам.

Данные положения Договора повлекли за собой внесение изменений в ГК РФ относительно условий государственной регистрации распоряжения правом. В частности, до участия России в Сингапурском договоре Роспатентом осуществлялась регистрация самих договоров. После того как Россия стала участницей данного соглашения, регистрируется движение права. В этой связи в доктрине справедливо отмечается: «В результате договор может действовать уже с момента заключения (или иного момента, определенного сторонами), а регистрация важна для определения момента перехода или предоставления права. Это существенно облегчает организацию совместных проектов, т.к. сторонам не нужно ждать регистрации договора в Роспатенте – с момента заключения договора уже можно платить деньги партнеру, исполнять обязанности по реализации проекта, защищать свои права в суде и т.д.» [3].

И, наконец, важнейшей особенностью Сингапурского договора является то, что данный международный акт признал нетрадиционные знаки (объемные, голографические, изменяющиеся, позиционные, звуковые и пр.).

Для демонстрации сказанного обратимся к Инструкции – неотъемлемой части Сингапурского договора, которая содержит подробности, связанные с заявкой на товарный знак. В частности, для знаков, имеющих **притязание на цвет**, в ней установлено, что в этом случае Ведомство может потребовать, чтобы в заявке указывалось название или код испрашиваемого цвета или цветов, а также указание, применительно к каждому цвету, основных частей знака, имеющих такой цвет (п. 2 Правила 3 Инструкции). Относительно **объемного знака** в Инструкции указывается на то, что изображение должно состоять из двухмерного графического или фотографического изображения (п. 4 Правила). Представление **голографического знака** должно состоять из одного или нескольких его видов, отображающих голографический эффект во

всей его полноте (п. 5 Правила 3 Инструкции). Если же заявка содержит заявление о регистрации знака, представляющего собой **изменяющийся знак**, представление такого знака, по выбору Ведомства, должно состоять из одного или ряда неподвижных или изменяющихся изображений, показывающих движение. Если Ведомство сочтет, что представленное изображение или изображения не показывают движения, оно может потребовать представления дополнительных изображений. Ведомство может также потребовать, чтобы заявитель представил описание, объясняющее движение (п. 6 Правила 3 Инструкции). Имеются в данном нормативном акте указания и на иные разновидности знаков (цветовой знак, звуковой и др.). Таким образом, именно благодаря Сингапурскому договору российские заявители получили возможность регистрировать различные виды нетрадиционных обозначений.

В ГК РФ прямое указание на нетрадиционные знаки, как известно, отсутствует. Вместе с тем ст. 1482 ГК РФ содержит незакрытый перечень видов обозначений, которые могут быть зарегистрированы как товарные знаки, среди которых имеются не только словесные, изобразительные и объемные, но и «другие обозначения».

Конкретизируют данные положения два документа: Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков (далее – Правила)<sup>11</sup> и Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов (далее – Руководство)<sup>12</sup>.

Так, согласно п. 32 названных Правил к «другим обозначениям» относятся звуковые, световые, изменяющиеся, голографические, осязательные, позиционные, обонятельные, вкусовые, обозначения,

---

<sup>11</sup> Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак».

<sup>12</sup> Приказ ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов».

состоящие исключительно из одного или нескольких цветов. Более в данном подзаконном нормативном акте ничего не сказано. Краткие описания видам обозначений даны в п. 1 Главы 2 Руководства, сопровождающиеся отдельными примерами таких обозначений.

Отдельный правовой интерес среди перечисленных видов представляют весьма актуальные в настоящее время позиционные знаки, возможность регистрации которых в России появилась именно благодаря Сингапурскому договору. В упомянутом выше Руководстве они находят свое отражение с отсылкой к п. 8 правила 3 Инструкции, согласно которому: «Если заявка содержит заявление о том, что знак является позиционным, изображение такого знака должно состоять из одного вида знака, показывающего его местоположение на товаре. Ведомство может потребовать указания объекта, в отношении которого охрана не испрашивается. Ведомство может также потребовать описание, поясняющее местоположение знака в отношении товара».

Из Руководства следует, что при испрашивании правовой охраны позиционных обозначений вид, т.е. изображение заявляемого обозначения, такого знака должен состоять из изображения знака, показывающего его местоположение на товаре. При этом, как правило, сам товар представляется в виде схематического изображения, обозначенного пунктирными линиями.

К сожалению, данное описание позиционных знаков в Руководстве являются исчерпывающим, что предопределяет целый ряд вопросов в случае наличия правовых споров относительно их регистрации.

Так, в частности, нередко заявители, опираясь на существующее правовое регулирование, приходят к неверным выводам относительно вида знака, который имеют намерение зарегистрировать<sup>13</sup>. При этом нельзя не отметить, что в упомянутых выше Правилах и Руководстве данному вопросу действительно уделяется всего несколько предложений, признаки позиционного знака недостаточно конкретизированы, понятие также не раскрывается.

Подчеркнем, что на рассматриваемые проблемы не раз обращалось внимание в доктрине. Так, в частности, еще в 2018 г. О.И. Терещенко и Е.Э. Шиманский справедливо указывали на то, что правовое регулирование данного вопроса является недостаточным [1]. При этом с опорой на практику

---

<sup>13</sup> См. например: Решение Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 10.11.2022 по заявке № 2021720864 «Об оставлении в силе решения Роспатента в отношении товарного знака (знака обслуживания)»; Решение Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 18.05.2023 по заявке № 2021759612 «Об оставлении в силе решения Роспатента в отношении товарного знака (знака обслуживания)» и др.

ими были выявлены особенности позиционных знаков, которые следовало бы привести в уточнение действующих нормативных актов. В частности, они указывали следующее: «Изображение товара должно носить схематический характер, быть условным. При этом описание расположения товарного знака на таком товаре должно однозначно и ясно давать представление о конкретной позиции. Для возможности получения правовой охраны позиционного товарного знака местоположение товара не должно быть традиционным и используемым повсеместно (например, центральная часть упаковки печенья), а также не должно восприниматься в качестве элемента дизайна, то есть должно относиться не к внешнему виду изделия, а к его маркировке. И наконец, правовая охрана отдельных позиционных товарных знаков возможна при условии предоставления документов о приобретенной различительной способности» [1]. Указанные авторы также поднимали проблему возможности регистрации позиционного знака не только для товаров, но и для услуг [1]. Впоследствии данный вопрос был проанализирован И.М. Ивановым, который пришел к выводу о том, что такая регистрация возможна, предложив собственные критерии оценки [4].

Высказанные позиции специалистов актуальны и сегодня, поскольку проблема более основательного правового регулирования позиционных знаков остается нерешенной. В этой связи получается, что, с одной стороны, Сингапурский договор существенно расширил возможности российских заявителей, а с другой – добавил неопределенности. Думается также, что подобного рода проблемы касаются не только позиционных, но и звуковых, цветовых, голографических и иных нетрадиционных обозначений, которые также требуют дополнительных пояснений в существующем правовом поле.

Решить данный вопрос, безусловно, непросто. Не случайно из Резолюции к Сингапурскому договору обязанность государств регистрировать такие знаки не следует, а принятие подобного рода решений «отдано на откуп» договаривающихся государств. Вместе с тем с момента заключения Договора прошло уже более 15 лет, что предполагает потенциальную возможность обмена опытом по данному вопросу между государствами-участниками, внедрившими в свои национальные законодательства его положения. Представляется, что осуществление такой многосторонней правовой поддержки позволило бы в дальнейшем конкретизировать национальные источники права, требующие дополнений и уточнений.

### **Заключение**

Подводя итог сказанному, сделаем следующие выводы:

1. Под Сингапурским договором следует понимать официально опубликованное международное соглашение, заключенное РФ с иностранными государствами. Указанный акт содействует развитию международного сотрудничества в сфере промышленной собственности. По совокупному смыслу п. 4 ст. 15 Конституции РФ и ст. 7 ГК РФ нормы, содержащиеся в данном международном договоре, являются составной частью российского гражданского права.

2. Значимость Сингапурского договора для российской правовой системы представляется бесспорной. Данный международный акт позволил гармонизировать национальные системы законодательства по товарным знакам в части, касающейся административных процедур, предусмотрев целый спектр дополнительных льгот для заявителей. Внедрение международных достижений в области правовой охраны товарных знаков в национальное законодательство приближает регулирование данных правоотношений к мировым стандартам, что, в свою очередь, не может не отразиться на повышении уровня правового регулирования отношений, возникающих в сфере интеллектуальной собственности.

3. Среди **ключевых** изменений, которые появились в ГК РФ благодаря Сингапурскому договору, следует отметить положения о шестимесячном сроке для восстановления пропущенного срока прохождения процедур в национальном ведомстве по регистрации товарных знаков, положения о регистрации движения права, а не самого договора в случае распоряжения исключительным правом, а также революционную новеллу, связанную с возможностью регистрации нетрадиционных знаков.

4. Исследование подзаконных нормативных актов о таких нетрадиционных обозначениях, как позиционные знаки, показало, что Сингапурский договор оказал влияние на усовершенствование правового регулирования в данной сфере, существенно расширив возможности российских заявителей. Вместе с тем указанный акт добавил неопределенности, поскольку признаки позиционных обозначений в существующих нормативных актах до сих пор недостаточно конкретизированы. В этой связи заявители нередко испытывают затруднения и не имеют четких представлений о том, какой именно вид товарного знака они подают на регистрацию. По всей видимости, подобного рода проблемы касаются не только позиционных, но и иных нетрадиционных обозначений (звуковых, цветовых, голографических и пр.), требующих, по нашему мнению, дополнительных пояснений в существующем правовом поле. Преодолеть возникшие сложности возможно путем многостороннего обмена опытом по данному вопросу между государствами – участниками Сингапурского

договора, внедрившими в свои национальные законодательства его положения. Представляется, что осуществление многосторонней правовой поддержки позволит в дальнейшем конкретизировать национальные источники права, требующие дополнений и уточнений.

#### Список источников

1. Терещенко О.И., Шиманский Е.Э. Проблема регистрации позиционных товарных знаков в России // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. № 11. С. 21–28.
2. Проблемы унификации международного частного права: монография (издание второе, перераб. и доп.) (коллектив авторов; отв. ред. доктор юрид. наук Н.Г. Доронина); Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Юриспруденция. 2023. С. 251–252.
3. Калятин В.О. Четвертая часть ГК в процессе изменений (2008–2014) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 2 (40). С. 63–38. DOI: 10.58741/23134852\_2023\_2\_63№ 40.
4. Иванов И.М. Позиционные знаки обслуживания как средство индивидуализации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 35. URL:<https://ipcmagazine.ru/news/6160-news4717/> (дата обращения: 01.05.2024).

#### References

1. Tereshchenko O.I., Shimansky E.E. The problem of registering positional trademarks in Russia. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost = Intellectual Property. Industrial property*. 2018. No. 11. Pp. 21–28 (in Russ.).
2. *Problemy unifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava = Problems of unification of private international law*: monograph (second edition, revised and additional) (team of authors; editor-in-chief: Doctor of Legal Sciences N.G. Doronina); Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – Moscow. Jurisprudence Publ. 2023. Pp. 251–252 (in Russ.).
3. Kalyatin V.O. The fourth part of the Civil Code in the process of change (2008–2014). *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Intellectual Rights Court*. 2023. Issue. 2 (40). Pp. 63–38. DOI: 10.58741/23134852\_2023\_2\_63No. 40 (in Russ.).

4. Ivanov I.M. Positional service marks as a means of individualization. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Intellectual Rights Court*. 2022. No. 35. URL: <https://ipcmagazine.ru/news/6160-news4717/> (date of access: 01.05.2024) (in Russ.).

Статья поступила 02.09.2024, принята к публикации: 17.09.2024.

© Сергеева Н.Ю., 2024